

Недавно было опубликовано заключение Континентального исторического общества в США, в котором на основании неизвестных до сей поры дневников английской королевы Виттории утверждается, что «Алиса в стране чудес» написана не Ч. Л. Доджсоном, а самой королевой, воспользовавшейся его псевдонимом. Но существуют и другие произведения Кэрролла, примыкающие к «Алисе» по стилю и настрою, а главное, существуют и изданы его письма к детям, которые никак нельзя приписать никому другому. Они являются прямым продолжением литературных трудов писателя. Без них список детских про-

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

изведений Кэрролла нельзя считать полным.

Будущее покажет, что именно стоит за «королевской» версией и чего она стоит. Но, несомненно, одним из главных доказательств того, что «Алиса» написана Ч. Л. Доджсоном, будут его письма к детям.

Степнительный, неуклюжий, требовательный, серьезный человек — таким предстал перед всеми Чарльз Льюис Кэрролл — тот самый Льюис Кэрролл. Перед всеми, кроме детей. Для них он был прежде всего автором «Алисы», «Охоты на Змея», «Сильвии и Бруно». Писатель боготворил своих маленьких друзей, постоянно встречался с ними, вел переписку. При всей своей занятости («Треть жизни я получал письма и две трети отвечал на них» плюс лекции в Оксфорде и литературная работа) он никогда не забывал тех, с кем ему было действительно хорошо и легко.

В письмах к ним явден так хорошо знакомый нам Кэрролл — мастер невероятных ситуаций и изощренной игры слов. Но при всей кажущейся легкости каждое письмо давалось ему невероятным трудом. Писатель признавался: «Я на собственном опыте убедился, что письмо, которое пишешь час, читается минуты за три». И тут же шутил: «Я с трудом различаю, где л, а где чернильница. Небольшая путаница не так уж

страшна, но когда кормишь бутербродами с апельсиновым джемом чернильницу, а перо обмакиваешь в КОЕ-В-КОГО и чувствуешь, как КОЕ-КТО до краев полон чернил, это ужасно».

В письмах и своим маленьким друзьям он смеялся даже тогда, когда чувствовал, что они вырастают и связь между ними постепенно теряется. Нет, у них, конечно, сохранялись прекрасные отношения, он по-прежнему писал им, общался, радовался встречам, но исчезало самое ценное для Кэрролла — легкость и непосредственность. С необыкновенной грустью он вспоминает в письмах к уже выросшим детям о мельчайших подробностях давних их встреч.

Но дети есть дети. Они не всегда оказывались достаточно внимательными к своему другу. Это огорчало Кэрролла, хотя он в свою очередь старался этого не показывать, превратить все в шутку.

Зато его в полной мере вознаграждала любовь и привязанность, которыми полно большинство писем детей.

По прошествии времени оказалось, что письма Льюиса Кэрролла к детям не менее интересны и для взрослых читателей, равно как и «Алиса в стране чудес». Некоторые из этих писем «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей.

К Мери Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
23 мая 1864 г.

Мое милое дитя!

У нас так жарко, что руки мои не могли удержать пера, а если бы и смогли, так не было чернил — все они испарилось и превратилось в облако черного пара, которое окутало всю комнату, испачкав стены и потолок так, что их почти не видно. Сегодня уже не так жарко, и часть чернил в виде черного снега осела в чернильнице. Скоро их станет так много, что я смогу с их помощью заказать те фотографии, о которых просила твоя мама.

Из-за этой жары я стал грустным и мрачным — порой я с трудом сдерживаю готовое вырваться плохое настроение. Зашел ко мне как-то Оксфордский епископ. У бедняги и в мыслях не было ничего дурного, но я, выведенный из себя его визитом, швырнул ему в голову книгу, которая, боюсь, сильно его покалечила. В моем рассказе нет ни слова правды, так что ты не принимай все это на веру. Да и впрямь не спеши верить — и вот почему: если ты примешься верить первому встречному, то в твоём мозгу произойдет перенапряжение верительных мышц, и ты уже не сможешь поверить самому очевидному. На прошлой неделе один мой друг поверил в Джека Истребителя Великанов. И это так подорвало его нерваную систему, что, когда я сказал ему, что идет дождь (а так оно и было), он был не в состоянии поверить этому и выбежал на улицу без зонта и шляпы, после чего волосы его промокли, а один локон в течение двух дней даже не хотел ложиться на место. (Кажется, в моем рассказе тоже не все чистая правда). Передай, пожалуйста, Гревиллю, что работа над его портретом продвигается успешно (я вставляю его в овальную рамку) и что я пришлю его через день-другой. И еще скажи маме, что мои сестры этим летом уже не приедут в Лондон.

Любящий твоих папу и маму, тебя и прочих малышей
Чарльз Л. Доджсон

Единственным достойным сожаления событием прошедшей недели было твое письмо ко мне. Какая досада!

К Мери Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
14 ноября 1864 г.

Дорогая Мери!

Жила-была на свете маленькая девочка, и был у нее злой старый Дядя — соседи бог знает почему прозвали его Скрыгой. И вот как-то раз — эта самая девочка пообещала ему переписать сонет мистера Росетти, посвященный Шекспиру. Но не сдержала слова. И нос бедного старого Дяди стал расти, терпение — истощаться, почтальоны приходили и уходили, а сонета все не было. Здесь я прерву свой рассказ, чтобы объяснить, как работала почта в старину: ворот тогда не существовало и в помине, поэтому воротным столбам вовсе не было нужды стоять на одном месте — они гуляли, как хотели, по всей стране — потому если надо было послать письмо, то приходилось привязывать его к столбу, который шел в нужном вам направлении (правда, столбы порой решали вовсе не ходить туда, куда собирались). С той поры дороги, которые они проптали, называют «столбовыми дорогами». Выход из этого положения нашли очень простой: если у человека не было недостатка в деньгах, он выкапывал подле ограды яму и быстро сажал в нее этот самый столб. Отсюда и пошло выражение «застолбить участок». А путешествовали в те далекие времена так: вдоль дороги натягивали проволоку, по которой и перебирались, изо всех сил удерживая равновесие, пока не падали (что случалось довольно часто). И называлось это «ходить по струнке». Но обратимся вновь к нехорошей девочке. История с ней кончилась тем, что пришел огромный черный ВОЛК и... мне трудно продолжать, но осталось от нее только две-три косточки.

Комментарии излишни. Это очень страшная история
Твой любящий друг
Ч. Л. Доджсон

К Гертруде Чейтуй

Крайст Черч, Оксфорд
9 декабря 1875 г.

Дорогая Гертруда!

Привычка посылать с каждым письмом на один почелуй больше не приведет к добру. Конверт становит-

Льюис КЭРРОЛЛ

ПИСЬМА К ДЕТЯМ

ся таким тяжелым, что сплатить мне уже не по карману. Когда почтальон принес мне последнее письмо от тебя, выражение лица у него было на редкость свирепое.

— С вас два фунта, сэр, — сказал он, — **доплата за вес, сэр!**

(Сдается мне, что он жулик. Не в первый раз он запрашивает с меня два фунта, тогда как я рассчитываю обойтись тем же количеством пенсов).

— О, пожалуйста, господин Почтальон, — сказал я, становясь со свойственным мне изяществом на одно колено. (Хотел бы я, чтобы ты видела меня в ту минуту — на редкость занимательное зрелище.) — Простите меня на этот раз. Письмо всего лишь от маленькой девочки!

— Всего лишь от маленькой девочки! — взревел он. — Из чего только сделаны девочки!

— Из конфет и пирожных, — начал я, — и **сластей** все...

Но он прервал меня:

— Нет, я не об этом. Хотел бы я увидеть ту девочку, которая шлет такие тяжелые письма!

— Да и я бы тоже очень хотел, — грустно ответил я. — И постарайтесь больше не получать таких писем, — добавил Почтальон. — По крайней мере от этой необыкновенной девочки. **Я ее хорошо знаю, она плохо ведет себя!**

Но я надеюсь, что неправда. Я не верю ни тому, что он тебя когда-либо видел, ни тому, что ты плохо ведешь себя. Однако я твердо обещал Почтальону, что мы будем посылать друг другу больше меньше писем.

— Только две тысячи четыреста семьдесят или около того.

— Конечно, — сказал Почтальон, — о таком малом количестве и говорить не стоит. Но больше — ни-ни.

Теперь ты понимаешь, что впрямь придется считать наши письма, и когда мы напишем две тысячи четыреста семидесятое, то должны будем остановиться иначе Почтальон попросту сбежит от нас.

Часто я мечтаю вновь очутиться на морском берегу в Сандауне. А ты?

Твой любящий друг
Льюис Кэрролл

Чем похожа свинка, потерявшая хвостик, на девочку у моря? Тем, что одна ищет свой хвостик, а другая — встречи с мистером Кэрроллом.

К Агнес Арлс

Крайст Черч, Оксфорд
17 (?) апреля 1868 г.

Моя милая Долли!

Ты даже представить себе не можешь, какое влияние оказало твое присутствие на всю мою дорогу до Лондона. Может быть, ты заметила рядом со мной в вагоне некую пожилую даму. Ту самую, с орлиными глазками и синим носом. Так вот, как только поезд тронулся, дама спросила (кстати, ее речь заставила меня усомниться в благородстве ее происхождения):

«Доджсон гостил у Арлсов в Петерборо, 14 апреля он уехал, и две девочки Арлсов, Эдит и Агнес, провожали его».

Скажите, господин хороший, что те вон молодые леди платочками укрываются — плачут и хлюпают иль стыдятся чего? Мне не хотелось поправлять ее, даже собственным примером, поэтому я в тон ей ответил: «Плачут, матушка, плачут, только вот не хлюпают». Она сказала: «Молодой человек, вот горюшко-то!» И залилась слезами.

Я постарался ее успокоить и весело сказал: «Ну, вот вы и сами захлопали. Не налить ли вам бренди для успокоения?» «Нет! — вскричала она. — Не бренди, стихов!»

И я достал твою книгу,² протянул ей, и она читала всю дорогу, изредка всхлипывая. Отдавая мне книгу, дама сказала: «Увидите эту молодую леди, которую Долли кличет, так скажите, чтоб книгу эту читала, и тогда плакать забудет!» И она вышла, бормоча себе под нос: «Это голос омаров!»³ И я подумал, что обязательно напишу тебе и передам ее слова.

Скажи Эдит, если она хочет заняться шифрами, то я пришлю ей ключевые слова. Но не забудь добавить, что ее родители вряд ли приветствуют это занятие.

Как поживает Фикс?

Передай от меня привет Лили!⁴

Некоторые дети растут самым непростительным образом. Надеюсь, до нашей встречи ты себе этого не позволишь.

С искренним приветом всем-всем,

Всегда твой
Ч. Л. Доджсон

К Мери Макдональд

Крайст Черч, Оксфорд
13 марта 1869 г.

Что ж. Вы оказались злой молодой леди! После того, как вы заставили меня на протяжении многих недель ждать письма от вас, вы преспокойно пишете о пустяках, будто ничего не случилось! Последнее письмо я отправил одиннадцатого января (заметьте, мадам, «одиннадцатый» пишется с двумя «н»), а с ним — немецкое издание «Алисы». Но пролетели дни, с ними и ночи (если мне не изменяет память, на каждые два дня приходилось по одной ночи или чуть больше), а ответа все не было. И пролетели недели, месяцы, я старел, худел, грустнел, а ответа все НЕ БЫЛО. Друзья стали замечать мне, что я поседел, что от меня остались кожа да кости и много чего еще, не менее лестного... и... если бы вы знали, как трудно писать дальше, но на протяжении долгих лет ожиданий и страданий (тех лет, что прошли с одиннадцатого января — время у нас в Оксфорде течет быстрее, чем у вас) ОТВЕТА ВСЕ НЕ БЫЛО. Мне ни строчки не написала некая молодая особа с каменным сердцем! А теперь она преспокойно заявляет: «Приезжайте, мы очень хотим вас видеть». И я простал в ответ: «Да, но я-то уж достаточно видел. Видел черную неблагодарность. На моей памяти нет такой непризнательности, невежливости... не...». Тут мое перо отказывается писать, у меня нет более слов!

Р. С. Вероятно, я не смогу выбраться в город, а если и появлюсь, то лишь для того, чтобы сказать: «О, вы, воплощение неблагодарности!»

К Маргарет Мейо
и Этель Харланд

Крайст Черч, Оксфорд
16 марта 1869 г.

Моя милая Маргаретель!

Вы (когда обращаешься к двум людям сразу, трудно называть их «ты») были очень любезны, пригласив меня к себе; но, как это ни прискорбно, я не смогу прийти. Дело в том, что шесть лет назад я принял решение отклонять все приглашения. И теперь, если я приму хоть одно в ущерб другим, то так обижу всех моих друзей, что земля Оксфорда будет буквально жечь мне пятки и придется срочно бежать в Исландию и остаться там навсегда!

Вечно ваш
Ч. Л. Доджсон

К Изабель Сеймур

Крайст Черч, Оксфорд
29 мая 1869 г.

Моя милая Изабель!

Мисс Ллойд меня очень расстроила, когда сказала, что ты больна, и я надеюсь, что ты не вздумаешь писать мне об «Алисе», пока не поправишься. Прочитай мое письмо или попроси, чтобы тебе его прочитали, — но только в том случае, если у тебя будет хорошее настроение. И если у тебя оно есть, то я расскажу тебе, почему же я забрал у тебя билет на поезд. Прочитай, ты догадаешься, что мое последнее письмо было просто гнусным обманом. Помнишь, ты сказала мне, что впервое поедешь одна на поезде — это, вполне естественно, натолкнуло меня на мысль: «Как сделать так, чтобы ты надолго запомнила это путешествие?» В голове у меня тотчас возникли три плана. Во-первых, я хотел дожидаться момента, когда поезд отойдет от Ридинга, и выстрелить из револьвера прямо в окно твоего вагона так, чтобы пуля пролетела совсем близко от твоей головы и немного тебя поугала. Но на этот план возникли два возражения: первое — у меня при себе не было заряженного револьвера; и второе — пуля могла влететь не совсем в то окно, а люди нынче так глупы, что могут не понять шутки.

Далее: как только бы тронулся поезд, я хотел дать тебе нечто, напоминающее пирог от Банбери, но что на самом деле, как потом должно было выясниться, оказалось бы гремучей змеей. Но этому моему плану препятствовало то, что в Ридинге эти змеи не водятся, а есть только пироги от Банбери, что совсем-совсем не то.

И, наконец, я похитил у тебя билет, чтобы ты по приезде в Лондон ужасно испугалась. Конечно, я договорился с Проводником, чтобы дело не зашло уж слишком далеко. Сначала он должен был немного рассердиться, а затем расплыться в добродушной улыбке. Этому моменту я придавал особое значение и все спрашивал его: «Вы уверены, что сможете изобразить

¹ Какую книгу имел в виду Доджсон, неизвестно.

² Стихотворение из «Алисы в стране чудес».

³ Фикс и Лили — собаки в доме Арлсов.

добродушие?» И заставил его несколько раз прорепетировать, прежде чем отстал.

Теперь тебе известно, как я хотел превратить твою поездку в приключение. Остается надеяться, что мне это удалось. И, ожидая твоего скорого выздоровления, остаюсь

твоим лучшим другом

Ч. Л. Доджсоном

Р. С. Должен честно тебе признаться: все это письмо — гнусный обман. На самом деле мне просто хотелось сделать тебе маленький подарок. Друзья советовали: подари штопор, коробочку для иголок или фисгармонию. Но я (очень мудро) заметил: «Все это прекрасно, только этим пользуешься раз от разу, тогда как железнодорожный билет всегда под рукой». Прав ли я?

К Джорджи Ватсон

Честнатс, Гилдфорд
После 5 октября 1869 г.

Моя милая Ина!

Хотя я и не смог преподнести тебе ко дню рождения подарок, но пишу ко дню рождения письмо. Когда я подошел к дверям твоего дома, чтобы пожелать тебе всего самого-самого наилучшего, мне встретилась кошка. Она приняла меня за мышку и гонялась за мной до тех пор, пока я не выбился из сил. Однако мне как-то удалось попасть в дом, но там мне встретилась мышка, которая приняла меня за кошку и принялась швыряться в меня каминными щипцами, посудой и бутылками. Конечно, я опять выскочил на улицу, там мне встретилась лошадь, которая приняла меня за повозку и протаскала за собой вплоть до Гилдхолла. Но все это пустяки по сравнению с тем, что было, когда мне встретилась повозка и приняла меня за лошадь. Мне пришлось впрячься и тащить ее несколько миль до самого Мерроу. Теперь ты понимаешь, почему я не смог попасть к тебе.

Однако я рад слышать, что ты прилежно учила таблицу умножения к праздничному угощению.

Мне все же удалось на пару минут заглянуть на кухню, и я увидел, что все готово к праздничному пиру — целое блюдо изумительных горелых корок, костей, горьких пилуль, катушек с нитками, ревеня, пересыпанного марганцем. «Ну вот, — подумал я, — она будет счастлива!» И с улыбкой пошел своей дорогой.

Твой лучший друг

Ч. Л. Д.

К Эдит Джебб

Крайст Черч, Оксфорд
1 февраля 1870 г.

Мое бедное дитя!

В другой раз я ни за что не напишу тебе такого трудного письма. Неужели ты и вправду не догадалась, что имел в виду тот джентльмен, когда сказал:

«Сэр, вы глупы, как 100-л!» Представь себе, что я обращаюсь к тебе со следующими словами: «Эдит, милочка, про-3 чашки и собери на 100-л». Разве ты не поймешь, что я хочу сказать? В таком случае почти вслух, и тебе все станет ясно.

И еще: пожалуйста, не думай, что я жду от тебя длинных посланий в ответ на мои письма. Я люблю писать тебе, но не люблю, когда ты тратишь столько сил на ответ. В следующий раз, когда никто не станет тебе мешать и вдруг захочется написать кому-нибудь письмо, мне будет вполне достаточно такого ответа: «Мой милый мистер Доджсон! Вы очень спатчатный. Эдит».

Ведь даже эти три строчки могут мне кое о чем рассказать. Будет ясно, что я для тебя «очень симпатичный», и это гораздо приятнее, чем если бы ты написала: «Вы очень противный».

Когда ты опять увидишь за столом рядом с собой одну маленькую девочку, спроси ее от моего имени, осталась ли она такой же злой, как была, или нет. Мне это очень и очень важно.

С приветом такой спатчатной девочке

Ч. Л. Доджсон

К Агнес Хьюз
Дорогая Агнес!

1871 г.

К вопросу о кошках. Конечно же, я не оставил их лежать на сырой земле, подобно увядшим цветам. Нет, я подобрал их и был добр, как это только возможно. На ночь я постелил им портфели — ведь в настоящей постели они бы спать не смогли — очень уж худые, но два листика промокашки доставили им райское блаженство. А вместо подушек я подложил каждой из них под голову по перочистке. А сам отправился спать, но прежде повесил им три колокольчика на случай, если им что-нибудь понадобится среди ночи.

Ты ведь знаешь, что у меня всего три колокольчика. Первый (и самый большой) звонит, когда обед почти готов. Второй (чуть побольше) звонит, когда обед совсем готов. И третий (больше этих двух, вместе взятых) звонит все время, пока я сижу за столом. Так вот, я сказал кошкам, чтобы они звонили всякий раз, когда им что-нибудь понадобится. И по тому, как они звонили всю ночь, я понял, что им все время было что-нибудь нужно, только вот не нашел в себе сил встать узнать, что же именно.

На завтрак я подал им желе из крысиных хвостов и бутерброды с мышами, но они остались крайне недовольны. Подавай им вареного пеликана, и все тут. Но я-то знаю, как им это вредно. И поэтому сказал: «Отправляйтесь в дом номер два по Финборо-Роуд и спросите Агнес Хьюз. И если такая еда пойдет вам на пользу, то она даст вареных пеликанов». После чего пожал всем руки, пожелал доброго пути и проводил к камину. Им очень не хотелось уходить, поэтому они прихватили колокольчики и портфели. После их ухода я не нашел этих вещей, очень расстроился и мечтаю

об их возвращении. Что я имею в виду под «их»? Понятия не имею.

Как поживают Артур, Эми и Эмили? По-прежнему ли ходят взад-вперед по Финборо-Роуд и учат кошек не есть мышек? Я очень люблю всех кошек с Финборо-Роуд.

Передай, что я всех их целую.

Кого я имею в виду под «их»?

Понятия не имею.

Твой лучший друг
Льюис Кэрролл

К Мери Крофтс

Площадь Веллингтона, 2
Хастингс
12 апреля 1873 г.

Моя дорогая Мери!

Прошу тебя, поблагодари от моего имени тех, кто прислал мне галоши. И перо, о котором я забыл попросить в телеграмме. Сейчас я объясню, как случилось, что я забыл галоши. Дело в том, что мне пришлось помогать Этель. От малышки масса пользы (разумеется, когда она ничего не делает. В противном случае это сущее наказание), и я был рад ее помощи, хотя и потерял из-за этого массу времени, хорошее расположение духа и галоши. Прежде всего, от такого количества народа в одной комнате возникла небольшая путаница. К примеру, я сказал: «О, боже, как я поеду небритым — борода уже мешает мне ходить!» — и взбил около галлона мыльной пены, достал две или даже три бритвы, но мы вдвоем в такой спешке метались по комнате, укладывая вещи, что я начисто забыл что к чему и... по ошибке вместо себя побрил Этель. Надеюсь, за обедом ты заметила, какой гладкий и чистый был у нее подбородок. Но это еще не самое худшее. К нему я подхожу только сейчас, кстати, и объясню, как я потерял галоши. Я сказал: «Этель, нельзя терять ни минуты! Мы должны уложить вещи! Запомни: крупные вещи кладут в портмоне, мелкие — в чемодан. Итак, за работу!» И мы, как безумные, забегали по комнате. Первое, что сделала Этель, — захихнула в портмоне кровать. Ошибка отнюдь не грубая, но я убедил ее извлечь все обратно, ибо в кроватях у меня дома недостатка нет и, кроме того, она не моя. Потом, не пойму, как это получилось, в безумной спешке я подхватил Этель вместе с прочей мелочью и сунул в чемодан. Но в тот же самый миг она подхватила меня (потому что видела мои размеры, но в спешке не разобрала, что я живой) и втиснула в портмоне. Это нам очень помешало, так как мы потратили массу времени, выбираясь из заточения. В силу этих самых причин я и забыл галоши. Теперь ты знаешь правду.

Люблю до гроба.

Твой лучший друг
Ч. Л. Доджсон

С английского. Перевод Сергея ОЛЮПИНА